

ГОГОЛЕВСКИЙ ИНТЕРТЕКСТ УКРАИНСКОГО ПОСТМОДЕРНИЗМА

Анотація. У статті проаналізовано вплив творчості М. Гоголя на деякі твори української постмодерністської прози у зіставленні з модерністською. Українські постмодерністи переглядають «міф України»: мотиви слави, патріотизму, козащини, етнографізму.

Ключові слова: Гоголь, українська модерністська проза, постмодерністська проза, інтертекст, бароко.

Summary. In this article we speak about the influence of Gogol's works on the ukrainian postmodern works in compare with modern works. Ukrainian postmodernists are looking for the «Myth of Ukraine»: fame, patriotism, kozachina, ethnographism.

Key words: Gogol, ukrainian modern prose, postmodern prose, intertext, baroque.

Интертекст прозы Гоголя опосредованно присутствует в современных постмодернистских украинских исканиях. Восприятие творчества и личности Н. Гоголя в украинском литературном контексте XIX века глубоко исследовано в монографии Н. Крутиковой. Украинское литературоведение 1910-х – 1930-х гг. XX в. переосмыслило и углубило восприятие гоголевского творчества применительно к украинским реалиям культуры (статьи Д. Чижевского, П. Филиповича, В. Державина, В. Петрова, Е. Маланюка, С. Ефремова, М. Евшана) [11]. Например, Н. Зеровым наследие Гоголя воспринималось как необходимая составляющая в формировании украинской отечественной культурной традиции [6, с. 100]. В модернистском литературоведении отразилось неоромантическое восприятие «двоедушного» Гоголя в интерпретации Н. Евшана, С. Ефремова, Е. Маланюка. Но «раздвоение души» писателя ими понималось по-разному. У Н. Евшана две души олицетворяли Украину и Московщину, трагически соединившиеся в личности писателя [11, с. 11-17]. У С. Ефремова двоедушие и трагизм («надломленность» и «переполовиненность») определены философскими свойствами: у писателя мягкий лирический колорит украинской жизни парадоксально сочетался с холодными рассуждениями и резонерством [11, с. 34-35]. В интерпретации Е. Маланюка трагедия Н. Гоголя определена его удалённостью от Отчизны, поэтому светлые, солнечные идиллические интонации ранней прозы сменяются горестным безверием и отчаянием, вызванным невозможностью изменить судьбу и душу собственного народа, что отразилось в наиболее страшном и мистическом «Вие»: гоголевский гений «западається в чорне провалля в «Віі», в містично-таємничі глибини. Там може й заховано основну тайну нашої батьківщини, тайну її історичної Долі й тайну душі Народу» [11, с. 48]. Маланюк резюмирует: трагедия усугублялась тем, что Гоголь со временем стал сам себя ощущать Хлестаковым в России, то есть писателем, выдающим русский патриотизм за действительное чувство.

Для В. Петрова (Домонтовича) неоромантизм 1920-х гг. (экспрессионизм, символизм) прямо связан с романтизмом Гоголя, который осмысливается как пограничная фигура между двумя

эпохами, стилями, а именно – переходная от традиционализма к модерности. В. Петров указывает на особенности эстетики Гоголя, порвавшей с природой, фольклором, органичностью бытия, и перешедшей к изображению «отчуждённой» личности, к «городской многоплановости», к смещениям в урбанистической эстетике [9, с. 266-321]. Петров развивает мысль об урбанистическом овеществлении человека, даже о «кубизме» у Гоголя.

В 1980-е г. расширился круг исследований гоголевского интертекста в произведениях украинских модернистов [1]. Были проведены исследования над гоголевским интертекстом в творчестве М. Хвильевого, М. Кулиша, О. Довженко.

К творчеству любимого им Н. Гоголя активно обращался Н. Хвильевой. Он использует мотивы и образы «Тараса Бульбы» в новеллах «Мать», «Я (романтика)». В первой новелле местечковый портной мечтает о возрождении козацкой силы и славы, называет своих сыновей Остапом и Андрием. Сыновья оказываются по разные стороны баррикад: Андрий стал «кузнецом революции», Остап – белогвардейским атаманом. Остап решается на убийство брата, но по законам роковой подмены убивает мать. Образ матери символизирует мать-Украину [7, с. 33-34]. Во второй новелле мятежный сын-революционер решается на убийство матери – «врага» в классовой борьбе. Гоголевский Бульба-отец здесь «выворочен наизнанку», является фигурой бурлескной, травестированной, иронически сниженной.

Украинская провинциальная жизнь у Хвильевого связывалась прежде всего с гоголевскими произведениями («Чумаківська комуна»), в «Арабесках» он упоминает гоголевский «ярмарок», в этюде «На озера» цитирует «Старосветских помещиков». Гоголевская ирония была созвучна критическому отношению писателя к отечественной культурной традиции, погрязшей, но его мнению, в провинциализме и культе наследия Т. Шевченко [12, с. 212-213].

Можно сделать вывод о том, что М. Хвильевым были восприняты и переосмыслены героико-романтические мотивы Н. Гоголя: мотив козацкой славы, мотив первичности товарищества и идеологии – и вторичности семьи и кровного род-

ства, а также стереотипы провинциализма и культа Шевченко.

М. Хвильевой использует гоголевский интертекст в повести «Иван Иванович», здесь он ориентирован на гоголевскую сатиру, иронию, игру, маскарад. Эпический многословный стиль повествования, образы партфункционеров «просто приятных» и «приятных во всех отношениях» – всё свидетельствует о гоголевском интертексте. «Коммунистическая» идеология на поверку оказывается маскарадом, обманом, мимикрией в будничной жизни её апологетов.

Эпиграфом к повести «Иван Иванович» являются слова Гоголя о «глуши» и «закоулках», в которые не может не заглядывать равнодушный писатель. В повести перед нами разворачивается картина махровой «коммунистической» пошлости и приспособленчества. Близок к этому гоголевский интертекст в повести М. Хвильевой «Ревизор»: хлестаковщина в разных проявлениях здесь свойственна всем героям.

Исследовать рецепцию гоголевского творчества в украинском постмодернизме сквозь призму модернистских отечественных художественных рефлексий – такова задача данной статьи.

В украинском постмодернизме гоголевский интертекст присутствует в составе романтической народнической традиции, прежде всего – в составе многоаспектного «мифа Украины». Очевидно, что составляющей этого мифа становится противостояние имперского центра – и родной, отеческой периферии, как это наблюдаем в модернистской интерпретации гоголевских душевных страданий. Именно такой «миф Украины» лежит в основе «Московиады» – романа Ю. Андруховича (1993 г.). Кроме того, у Андруховича противопоставлены естественная, гармоничная культура (украинская) – и урбанистическая барочно-готическая (московская). Постмодернистский роман написан в ироничной гоголевской повествовательной манере.

Постмодернистский интертекст разворачивается в границах гоголевской пространственности: Украина («Гетьманщина») – Россия («Московщина») (романы Ю. Андруховича «Московиада», А. Ирванца «Очамыря», С. Жадана «Депеш мод»).

Но чаще всего интертекст определяют романтические противопоставления между святостью и чертовщиной (романы В. Дибровы «Бурдык», Ю. Андруховича «Рекреации», Ю. Издрика «Воццек», рассказы А. Ирванца «Маленькое ночное приключение, или Что-то вроде ловли», «Гибель Голяна»). Это гоголевский мотив демонологии, при котором пространство духа оказывается полем битвы двух мистерий – христианской и бесовской.

Украинский постмодернизм активно интерпретировал гоголевскую мистику, как и отрефлектированное украинскими модернистами гоголевское «раздвоение души», совмеща их с

поиском национальной самобытности и национальной идеи. В романе Ю. Андруховича «Рекреации» молодёжь пытается приобщиться к ней на Празднике Воскресающего Духа, проводимом в г. Чортополе. Сочетание светлых и тёмных сил в границах одного хронотопа (Воскресающий дух – в Чортополе) оказывает демоническое влияние на происходящие события, что знаменует обречённость консервативных форм национального сознания, а также стереотипов традиционного возрожденческого украинского мышления и поведения. Ю. Андрухович окунает героев в мифологизированную реальность неонацизма и тоталитаризма, воссоздавая в игровой форме страшную картину военной истории. Герои переживают мистические состояния, перевоплощения, страх смерти, прикосновение к непознаваемой тайне, как в «Вие» Н. Гоголя это произошло с Хомой Брутом.

В «Рекреациях» трое писателей (Мартофляк, Григорий и Юрко) попадают в незнакомый город, как и у героев «Вия», возникает проблема ночлега, происходит встреча двух миров – реального и потустороннего. Одного из героев, Хомского, кличут Хомой. Встреча с имоверным потусторонним миром и с чертовщиной не пугает юношей, но испытанием более страшным оказывается соприкосновение с насилием, с потерей национальной и личной свободы [2, с. 148]. Герои – творческие личности – проходят испытание, прикасаются к исторической судьбе народа, что меняет их самооценку и отношение к творчеству, понимание того, что надо отвечать жизнью за каждое слово. Так интертекст Гоголя воскрешает мотив духовной ответственности творца.

Таким образом, гоголевский интертекст определяет не только фольклорно-мифологические и готические формальные и содержательные черты украинского постмодернизма, но актуализирует духовно-освободительные мотивы.

Украинский постмодернизм актуализирует гоголевский интертекст и в приёмах деконструкции, как, например, это происходит в творчестве Вал.Шевчука, ведущего своеобразную полемику с Гоголем. Писатель считает использование фольклора в своих произведениях «антигоголевским»: «Для мене Гоголь – це приклад так званого «малоросійства»; на фольклор він дивився головним чином як на забавку, намагався розважити читача малоросійською екзотикою. Моя книжка «Дім на горі» – своєрідна дискусія з Гоголем. Ті самі теми, той самий спосіб мислення мені хотілось інтерпретувати значно серйозніше. Фольклор – це частина людської духовності...» [10, с. 58]. В сборнике «Дім на горі» В. Шевчук избегает карнавальную фольклорную стихию, акцентируя её экзистенциальные составляющие.

Необходимо отметить, что деконструктивное начало постмодернизма В. Шевчука берёт начало

в противостоянии обличительному пафосу русской литературы, по мнению писателя, сосредоточенному на человеческой ущербности. «Загалом їхня література робить мене ще нікчемнішим, ніж я є» [10, с. 59]. Такая позиция свидетельствует о своеобразии украинского постмодернизма, не заключённого всецело в жёсткие рамки иронии и пародии, а изначально коррелирующего со стихией барокко. Данное признание – свидетельство неубывающей мифологизации украинского эстетического мира, который отдаёт предпочтение не жёстким урбанистическим реалиям, а жизни периферии, пограничья между городом и деревней.

Третий вектор проявления гоголевского мифа отмечен в постмодернистских подходах к богатой семиосфере козачества.

Долгожданное обретение национальной самостоятельности ознаменовалось обращением к возрожденческой мифологии, к романтической народнической традиции. Таковой для украинцев всегда была поэтизация козацеской вольности, народной идеальной общности. Как писал Г. Грабович, поворот литературы в такие периоды к теме козачества – своеобразная компенсация ощутимого разрыва культурного кода [4, 25-45]. В своё время обращение Н. Гоголя к теме козачества стало реакцией на имперское забвение своего народа, его истории, культуры, самобытности, духовной и нравственной красоты.

В прозе украинского постмодернизма появляются произведения, героизирующие гоголевский тип козака-характерника – бесшабашного, смелого, нанимающегося служить не только своим, но и чужим хозяевам (роман «Элементал» В. Шкляра, рассказ «Самійло з Немирова, прекрасний розбишака» Ю. Андруховича). Но, оставаясь плодотворной стратегией в создании отдельных персонажей, миф Украины как миф соборного патриотизма, козацкой славы, трагической истории спародирован украинским постмодернизмом. Пересматривается стратегия национальной самодостаточности («окремішності») Украины и украинцев, которая начинает восприниматься как тупиковый вектор развития (проза А. Ирванца. Н. Сняданко, С. Жадана).

Деконструкция героико-романтического пафоса в отображении украинской истории сосредоточена в основном на мотиве «козацкой славы», товарищества и образе козака-характерника. Гоголевский интертекст здесь опосредован модернистской революционной романтикой («Чотири шаблі» Ю. Яновского) и её ироничным остранением («Мати» М. Хвильового).

Гоголевская поэтизация славной козацкой истории, подвигов, высоких национальных идеалов деконструируется, приобретая пародийный оттенок, в повести «Як нищити ангелів. Поклоніння ящірці» молодого украинского постмодерниста Л. Дереша: «Не, ти

не збагнув ідеї. Я би виріс, вивчився на інженера, організував би дитячий Хрестовий Похід на москалів... Уяви собі – маленькі голодні дітки, мов ті янголятка, у кожного в руці по свічечці й фотоіконці Божої Матері, стоять під брамою Кремля, а тут я – у вишиванці, в однострої СС “Нахтігаль”, на спині вишитий хрестиком Бандера, ходжу поміж діток і горланю “Розриту могилу”. А по ночах ми би розводили багаття зі знамен іновірців і співали би марш “Україна”. < >. Слава то яка! Не вмере – не загине! Боже ж ти мій, Боже! Як у батька Хмеля! Та що там, як ув Елвіса Преслі, Сергія Бубки, Хо Ши Міна і найяснішого ерцгерцога Фердинанда разом узятих! Всі б казали: “Ото був, бляха-муха, патрійота кавалок!” [5, 17-18].

Очевидно, что данная деконструкция «мифа Украины» обращена как к интертексту Н. Гоголя и украинского барокко, так и к украинскому модернизму с его гоголевской деконструкцией «козацкого героизма» и «славы» (сравним у Ю. Яновского: ««Слава ця піде між народ по країні, і заспівають нових дум про Остюків бій під Павливкою!»») [8, с. 34-35].

Стилистика котляревщины и украинского барокко оказываются посредниками в создании гоголевского интертекста в литературе украинского постмодернизма. Как отмечала в своё время украинский полонист Ю. Булаховская, Н. Гоголь привнёс в русскую литературу «всё лучшее из своих предшественников»: И. Котляревского, Г. Квитки-Основьяненко, польской поэзии и прозы [3, 103].

Украинский постмодернизм, как и русский, основан на иронии, эклектике, пародии. Но украинскому постмодернизму свойственна грустная ирония. Меланхолический, травестирующий, барочный пафос иронии – характерная черта украинского “апокалиптического постмодернизма”. Именно такая ирония пронизывает «исторические сюжеты» прозы Гоголя: «Вий», «Бритый ус», «Гетьман».

Разнообразие авторских масок в украинском постмодернизме также может быть определено как интертекст Гоголя. Маски создают повествовательную полифонию и её пародийно-подрывную установку (маска-щит, маска-воплощение народа, маска-дистанция, маска-второе «я», маска-гибрид биографического автора и его художественного воплощения и т.п.). Текст украинского постмодернизма создаётся прежде всего звучанием самых разнообразных модуляций человеческого голоса. Гоголевский интертекст определил ироничную повествовательную манеру украинской постмодернистской прозы (Ю. Андрухович, В. Диброва, Вал. Шевчук).

Гоголевский интертекст повлиял на философию украинского будущего, осмысление возвратившегося капитализма, характеристику славянского мира и его духовно-этнического единства, –

все эти явления присутствуют в украинской пост-модернистской прозе.

Гоголевский интертекст актуализировал национальную украинскую топику, помог пересмотреть и обновить её «инструментарий», развить

жанрово-стилевые поиски, деконструировал «малороссийское» использование фольклора и помог становлению украинского «магического реализма», стал отправной точкой в обновлении «мифа Украины».

Литература

1. Агеєва В. Гоголь і формалісти / Віра Агеєва // Сорочинський ярмарок на Невському проспекті: Українська рецепція Гоголя / Упоряд. В. Агеєва. – К.: Факт, 2003. – С. 337 – 348.
2. Андрухович Ю. Рекреації / Юрій Андрухович // «Бу-Ба-Бу» (Юрій Андрухович, Олександр Ірванець, Віктор Неборак): Вибрані твори: Поезія, проза, есеїстика / Авторський проект, упоряд, бібліограф. відомості та прим. Василя Габора. – Львів: ЛА «Піраміда», 2007. – С. 148 – 218.
3. Булаховська Ю. А. Микола Гоголь: «Українська школа» в польській і російській літературах ХІХ та ХХ століть / Юлія Булаховська // Українська школа в літературі та культурі. Українсько-польське пограниччя. Київські полоністичні студії. – Том VII. – К., 2005. – С. 98 – 107.
4. Грабович Г. До історії української літератури. Дослідження, есеї, полеміка / Григорій Грабович. – К.: Критика, 2003. – 631 с.
5. Дереш Л. Поклоніння ящірці. Як нищити ангелів: Роман / Любка Дереш. – Львів: Кальварія. – 2004. – 176 с.
6. Зеров М. Українське письменство ХІХ ст. / Микола Зеров // Зеров М. Твори : У 2-х т. / Упоряд. Г.П. Кочур, Д.В. Павличко. – К.: Дніпро, 1990. – Т.2.:Історико-літературні та літературознавчі праці. – 601 с.
7. Карпенко А.И. Элементы гоголевской поэтики в прозе М. Хвильового /А. Карпенко // Творчество Н.В. Гоголя и современность: тезисы докладов и сообщений научно-практической Гоголевской конференции, май, 1989 г. (Нежинский государственный педагогический институт им. Н.В. Гоголя). Ч. 2. – Нежин, 1989.– 114 с.
8. Малахатко Л.И. Гоголевское начало в романе Юрия Яновского «Четыре сабли» / Л. Малахатко // Творчество Н.В. Гоголя и современность: тезисы докладов и сообщений научно-практической Гоголевской конференции, май, 1989 г. (Нежинский государственный педагогический институт им. Н.В. Гоголя). Ч. 2. – Нежин, 1989.– 114 с.
9. Петров В. Петербурзькі повісті М. Гоголя / Віктор Петров // Сорочинський ярмарок на Невському проспекті: Українська рецепція Гоголя / Упоряд. В. Агеєва. – К.: Факт, 2003. –С. 266 – 321.
10. Пивоварська А. Дім на горі. Розмова з Валерієм Шевчуком / Агнешка Пивоварська // Сучасність. – 1992 – № 3. – С. 54 – 59.
11. Сорочинський ярмарок на Невському проспекті: Українська рецепція Гоголя / Упоряд. В. Агеєва. – К.: Факт, 2003. – 350 с.
12. Ушкалов Л. Микола Хвильовий та українська класична література / Леонід Ушкалов // Ушкалов Л. Есеї про українське бароко. – Київ: Факт, 2006. – С.213 – 238.